

Воспитание без наказания

У этой школы есть свои три кита: технология медленного чтения, концепция «Человек добрый» и коллективный способ обучения. Столь нетрадиционное основание позволяет ставить во главу всего школь-

В. Андреев

ного процесса личность и интересы ребенка.

Прежде всего — учить пониманию

Что необходимо для понимания ученика? Первое — уметь слушать. Второе — уметь говорить так, чтобы тебя понимали. Третье — уметь читать. Четвертое — уметь писать. Каким образом я, педагог, могу приобрести эти умения и сформировать их у моих учеников? Ответ: благодаря чтению. У нас в школе есть такая технология. Имею в виду технологию медленного чтения. Берем абзац — неважно, из учебника по химии, из трактата по физике или из чего-то другого. Читаем его: ребенок вместе с учителем, либо родитель и ребенок, либо ребенок с кем-то еще. Это тоже неважно. Главное — чита-

ем. Потом задаем вопрос: о чем этот абзац? Пусть ребенок ответит — правильно или неправильно, не имеет значения. Нам важно направить его *внимание* на этот абзац. Второй этап: выделяем ключевые слова. Какие они здесь? Вот и начинается формирование умения выделять главное. Выделив ключевые слова, формулируем основную мысль. А это уже великолепное умственное усилие — синтез, обобщение. Основную мысль выводим из ключевых слов, потом думаем о названии, смотрим, как все это связано с предыдущим абзацем, и думаем о будущем.

Простой понятный алгоритм. Этот подход используется и для тренировки умений слушать, говорить, писать.

Когда Дмитрий Лихачев пришел в свое время в тот же университет, что и я, про-

**Когда читаешь, то
всегда выделяешь
главную мысль,
ключевые слова.
Это простые вещи,
которые дети могут
понять и которые легко
требовать.**

фессор спросил его: «Сколько страниц, батенька, Вы читаете в час?» Тот радостно выдохнул: «20». Профессор вздохнул и говорит: «Ну ничего, мы вас научим читать полстраницы в час». То есть речь шла о медленном, вдумчивом чтении, о понимании структуры текста: где основная мысль и как от одной мысли переходить к другой. Когда читаешь, то всегда выделяешь главную мысль, ключевые слова. Это простые вещи, которые дети могут понять и которые легко требовать.

Человек добрый

В философско-педагогических традициях сущность человека представляется в трех видах: человек в основе своей добрый; человек в основе своей злой; человек в основе своей чистая доска (*tabula rasa*). Если мы утверждаем, что человек злой, то требуем наказания. Без наказания никак. Он от природы такой, у него агрессивное начало. У него «либидо»: убить, съесть, растерзать. Если взять за постулат «человек — чистая доска», то получается, что человек рождается никаким, то есть может и злое уважать, и доброе. Как воспитают... Нам ни та, ни другая концепция не подходит. Мы выбрали — человек добрый. Если он добрый по своей природе, то всегда можно обратиться к нему как к доброму существу.

Вот, к примеру, ученица 15 лет разбила школьную видеокамеру. И говорит, что не виновата, просто задела стулом нечаянно. Хотя учитель говорит, что девочка каталась по классу на стуле из одного конца в другой и веселилась по полной программе. Как это понять? Нехорошая ученица хочет увильнуть? Это не подходит под нашу концепцию. Избалованная, так воспитана — тоже не подходит под нашу концепцию. Она добрая, но что же она делает? Как же так: добрая, но изворачивается, врет?

У древних буддистов написано: зло — это хаос. С чем боролся Менделеев? Менделеев боролся с хаосом. В результате хаос был устранен и получилась периодическая система. С чем борется современная наука? Скажем, со СПИДом. Когда ученые поймут, что такое СПИД, то смогут это контролировать, смогут этим управлять. Хаос прекратится.

Но каким может быть контроль? Говорят: победителей не судят. Наведен порядок — остальное неважно. А оказывается, очень важно. Потому что цель НЕ оправдывает средства, а ОПРЕДЕЛЯЕТ средства. Если мы говорим: «Я наведу порядок любой ценой», то в результате ничего хорошего не будет в этом порядке. Подавлением можно установить некоторый порядок, но при этом еще больше возникнет беспорядка. Хаос только растет от наказания. Используя наказание, мы увеличиваем хаос. Вот мы ребенку заткнули рот словами: «Родителям скажу, напишу, позвоню», а на самом деле только подлили масла в огонь. Потому что сейчас там все загудело. И куда оно потом выльется? В разбитый горшок в туалете, в агрессию по отношению к другим детям или, что более вероятно, по отношению к тому же самому учителю, только немножко позже, когда подвернется такой случай. Ребенок добрый, но учитель сказал ему: «Ты не прав», и у того в голове все перевернулось: он добрый, но не прав. Поэтому он впадает в состояние хаоса, замешательства. Когда мы себе говорим, что лю-

бой ребенок, который не знает, что делать, и отвечает тебе агрессией, находится в замешательстве, то это ключ к тому, чтобы разобраться в детях. А если утверждать, что они злые, ключа у нас не будет. Думая «они добрые, но зачем же они так делают?», мы найдем ответ: «Ребенок в замешательстве». А как помочь в замешательстве? Просто говорим: «Смотри на меня. Ты добрый. Тебе понятно?» Он говорит: «Да какой же я добрый?» И пошла работа. Конечно, все не сразу прекращается.

Вернемся к ученице 15 лет, которая начала что-то врать. А перед тем ведь говорила, что ей нравится в школе, нравятся учителя. И в этом она не врет. Ей действительно все учителя нравятся, потому что лучше нашей школы в Петербурге нет. Потому что мы сознательно создаем в школе добрую атмосферу. Ученица понимает всю ценность такой школы. Нигде девочку так не понимали, как здесь. Нигде с ней так не возятся, как здесь. И вот я говорю ей: «Ты нам не доверяешь». «Как не доверяю? Я вам доверяю». «Но ты же написала в письме, что камера давно не работает, что мы ее сами разбили. Но это ты ее разбила». Она ничего не сказала. А это уже плохо для меня. Что я ей доказал? Я доказал ей, что она не права. А на самом деле это я не прав. Я хотел, чтобы ребенок был неуверен? Не хотел. Но мы не хотим, а делаем постоянно. «Ну сколько раз тебе можно объяснять?» И он думает: «Вот, все делают нормально, а я после 25-го раза понять не могу». И что хорошего мы сказали? Мы сказали, что таких тупиц, как он, мы еще не встречали. И ребенок в хаосе. Ему не уменьшили, а увеличили этот хаос. То есть увеличили зло в нем. А потом говорим: «Она злая, она вредная, она врет». Так мы же сами привели ее к этому. Со злом работать нельзя. Если мы не верим в то, что человек изначально добрый, нам трудно воспитывать детей без наказания. Только на мгновение допусти, что человек злой, появляются наказание и страх, а это ничего, кроме увеличения ха-

оса, зла, замешательства не несет. Любое наказание обесценивает. А любое обесценивание — это рост неуверенности, непонимания. Еще никто оттого, что «получил по башке», не стал учиться лучше. Наказание не способствует нравственности. Оно способствует развитию хитрости, изворотливости, лжи.

Мы должны предложить детям концепцию нравственности. У них сейчас перед глазами много такого, из чего можно сделать вывод: «Человек злой, все хитрые, все воруют, все нечестные». Или: «Что в человека заложишь, то и будет». Но мы говорим: «Человек добрый в своей основе». Только из этого можно построить педагогическую концепцию, которая называется «Управление и воспитание без наказания». Но тогда возникает вопрос: если человек добрый, откуда же зло берется?

У меня есть интересное объяснение тому, что такое цинизм. Это еще одно нравственное явление, которое требует объяснения в нашей концепции «человек добрый». Цинизм — это «посмеяться над святыми вещами». Цинизм — это не просто обесценивание, это обесценивание святого, фундаментальных вещей. «Наезд» на вещи, основополагающие для человека: Родина, мать, любовь, патриотизм. Смеяться над этим и есть цинизм. Обесценить сменную обувь, например, что ж тут умного? А вот обесценить святое — тут смелость нужна. Серьезный циник, циник по определению, должен знать, что такое добро, и должен его искать, чтобы потом обесценить. Почему он это делает? Потому, что ему не хватает добра. Циник доброе увидел, посмеялся над ним, и добро от него убежало. Он опять его ищет, найдет, посмеется, и оно снова убежит. И так бесконечно. Почему он ищет? Да потому что человек, по определению, добрый. И когда он гонит добро, то себя от себя гонит, понимает, что это неправильно, и начинает его искать, чтобы вернуть. А потом срабатывает ловушка. Он однажды посмеялся, его поругали, и он начинает

Что дети нашли в системе КСО? То, что ищет вся наша цивилизация, — бóльшую свободу.

все время доказывать, что он прав. И попадает в ловушку цинизма. Пытается всем доказать, что это хорошо — быть циником. И кто-то начинает страшиться, уважать: «О, человек может посмеяться над святыми вещами!» И циник бравирует. А добро от него бежит. Что мы можем сделать с этим? Поддерживать доброе в человеке. Другого пути нет. Нужно поддерживать доброе в цинике. Это большая работа. Если мы будем его ругать, будем только уменьшать количество добра в его душе. Он и так над добром издевается и его гонит, а тут мы еще. Он уже и так перешел всякую грань, у него почти не осталось добра. Нищий духом. И от этого — мучения. Вот такая концепция.

Возможность быть счастливым

Как-то на одной серьезной педагогической конференции разгорелся ожесточенный спор: какая методика должна быть в школе? Большинство пришло к выводу, что ныне действующая методика не работает. И некоторые честно признали, что есть только одна новая методика и технология — технология Ривина — Дьяченко. Методике было уже двадцать лет, и она все время активно распространялась. Я тоже проводил эксперименты. А потом все умерло. Умерло по одной причине: было обнаружено, что большинство детей в массовых школах не хотят так заниматься. Я интересовался: почему? И девочки-хорошистки отвечали: «Владимир

Иванович, ну какой же Вы глупый! В системе, которую Вы предлагаете, надо учиться каждый день, а я же отличница, я не могу себе этого позволить. Поэтому я биологию выучила, на «пять» ответила, и три недели меня не спрашивают. А тут я каждый день должна отвечать!» Один-два человека из класса увлекались этим. Я приехал в Красноярск к Дьяченко и откровенно сказал, что желания у большинства нет. Дьяченко ответил: «Тогда открой школу экстернов».

Школа была зарегистрирована в 1988 году. Но идея КСО, поработав, упала. А чтобы она работала, необходимо выходить на конкретных детей, которые хотят учиться так. Их немного, но учиться по-другому они не могут. Это как в спорте. Вот баскетболист. У него должен быть такой-то рост, такой-то вес, он должен иметь такую-то реакцию. А вот боксер. И у него своя специфика.

В чем же отличие этой системы обучения от других?

Принцип первый — разновозрастный состав группы. Этот принцип вызывает больше всего непонимания. И родители его не понимают, и методисты, и городская администрация. Они приходят и говорят: «А как это вообще возможно. Тут можно с ума сойти. Непорядок какой-то». Действительно, в этом нет порядка. **Нет** принципа постепенности. Сидит пятиклассник, тут же сидит десятиклассник. Учитель объясняет, например, математику десятикласснику. Пятиклассник слушает. Ничего не понимает. И тем не менее это работает. Разновозрастная группа несет в себе достоинство. Какое? Оно в том, что ученик вместе с разновозрастными детьми. Это положительно действует на младшеклассников, которые сидят вместе со старшеклассниками. У них убирается «синдром старшеклассника». Они его не боятся. Нет «дедовщины». И старшеклассники тоже удивляются: «Коротышка, а отвечать может», «Я его могу проверить, он меня может проверить». Это положительный момент для психики ребенка. Он имеет, можно сказать, *великий*

психотерапевтический эффект.

Принцип второй — свобода выбора. Дети могут в любое время встать и уйти в другой коллектив, поменять себе коллектив. От этого эффект еще больше. Это благо. Ученик может сидеть здесь, но если ему не понравился какой-то одноклассник, он больше с ним никогда не сядет. Просто перейдет в другую группу. Поменяет себе расписание и, как врач, сделает шаг к своему душевному здоровью. И это сразу облегчит его существование. В обычной учебной системе ребенок этого не может. Попал в класс, который ему не нравится, и будет там сидеть, пока не выгонят его или кого-то из тех, кто ему не нравится. А у нас можно. Кто-то что-то не так сказал, начал приставать — встал и ушел. Разошлись, и все.

Третий принцип — дети учатся разным темпом. И никто никому не мешает. Поскольку коллектив разный, поскольку у меня своя программа, то я по ней и иду. Могу идти быстро или медленно. В обычном классе это невозможно. Если я начинаю куда-то забегать, то мне тогда нечего делать на уроках. Какой выход предлагает тогда учитель? Дает ученику дополнительные задания, нагружает. Головная боль учителю, головная боль ученику. Непонятное отношение класса. А если ребенок отстает, то еще хуже. Потому что догнать не может. А у нас «заболел, не понял» — нет проблем, ведь каждый идет своим темпом.

Для обычной школы все это звучит как бред сумасшедшего.

Кстати, у нас три разных формы обучения. Все три нам помогают выживать с финансовой точки зрения. Когда-то очень хорошо шла традиционная система. Потом был «Диалог» — несколько площадок, где ежедневно занималось по 100 человек. Теперь востребован экстернат. Поначалу в нем было 2–3 человека, а сейчас более ста.

На ученом совете института (не буду говорить какого) в 1991 году, когда я докладывал тему своей диссертации (экономические принципы частной школы), то сказал:

ОТЗЫВЫ ЭКСПЕРТОВ

«Воспитывать людей добрых нашему обществу невыгодно: добрые, как правило, становятся умными. А умных у нас не любят! Поэтому такие школы не востребованы обществом».

«С точки зрения традиционной школы и учителя, КСО — это и есть самый большой хаос, который можно устроить в образовательном процессе...»

«Мало верится, что в России есть такая школа...»

«Дается ответ на вопрос, как вырастить ребенка любящим, добрым, искренним».

«Поразительно, удивительно новая концепция воспитания и управления. Автору, бесспорно, респект!»

«Стать массовой и прийти в массовую школу такая технология не может. Особенно в наше время оптимизации образования, приведения всех школ к единым показателям эффективности».

«Если ребенок не приходит к учителю сегодня, мы его на работу завтра не приглашаем». Поднялся такой крик! «Вы — преступник!» — кричали мне. И я понял, что ничего подобного в государственной системе образования быть не может. Почему? Да потому,

Нарушение принципа постепенности существует реально, в Интернете.

что только поставишь учителя в зависимость от количества его учеников, как тут же надо будет решать финансовые, правовые и многие другие вопросы.

Например, нам пришлось создавать зачетные книжки, маршрутный лист, которого вообще не было в природе; мы не знали, как фиксировать то, что дети туда-сюда переходят. Родился маршрутный лист, потом «сетевой график». Словом, первые пять лет ушли на то, чтобы в этой системе успешно контролировать учебный процесс. Проблем было много. Сделать такую школу по государственному образцу невозможно. Доходило до смешного. На пятнадцатый год работы вдруг приходит к нам инспектор СЭС и говорит: «Я вашу школу закрываю». — «Почему?» — «Вы нарушаете санитарные правила. Вот санитарные правила, читайте, что написано: «Учитель в классе». Учитель! В единственном числе! А у вас в аудитории сидят десять учителей. Все. Закрываю...»

Но вернемся к педагогическим принципам. Младшеклассник сидит рядом со старшеклассником. Он еще арифметику решает, а тут объясняют тригонометрию, логарифмы. Как так? Это же забег вперед, непонимание. И тем не менее дети учатся. Нарушение принципа постепенности существует реально, в Интернете. Подросток куда хочешь зайдет, прочитает что угодно. И, что самое интересное, не падает в обморок от того, что читает вещи, которые ему еще недоступны. Он сам решает, что ему доступно. Значит, есть какой-то механизм в голове человека, который отбирает, сортирует, фильтрует информацию, отодвигая непонятное.

Вы спросите, что дети нашли в этой системе? То, что ищет вся наша цивилизация — большую свободу. В нашей школе эта свобода на первом месте, и ученики говорят: «Это классно». Классно, что они могут двигаться своим темпом. Классно, что их не обзывают дураками, потому что некого обзывать — у каждого свой темп.

Есть идея в обоснование этого. Самая главная цель человека, которая его вдохновляет и дает возможность быть счастливым, — свобода. Свобода неосознанно необходима. Для чего? Для того, чтобы проявлять свою инициативу, способности. Как свобода осуществляется? Только одним — правотой. Человек свободен, когда он прав.

Как-то учительница говорила ученице: «Ты же всегда такая умная, хорошая, а что делаешь? Такая-сякая». Учительница хочет сказать, что девочка молодец, а получается, что унижает. Девушка грубит. А учительница снова: «Вот видите, она еще и грубит». И снова ее унижает. А ученица уже готова умереть от стыда. Вот как переживается неправота. Неправота — это унижение и потеря способностей. Если у меня есть иммунитет, я говорю: «Да иди ты на фиг». Встаю и ухожу. А если я уйти не могу? А традиционная система — это уменьшение свободы и правоты ребенка. Это подчинение системе и разворот к тому, чтобы она работала только на учителя. И, конечно, большинство учителей, даже среди тех, кто у нас работает, очень хотят вернуть систему на старые рельсы.

Наша концепция только потому и живет, что мы говорим: человек в своей основе добрый. И добро день ото дня растет. Наша позиция — дать возможность человеку проявить себя, свою доброту. Люди, которые в это не верят, стараются нашу систему закрыть какими угодно способами. ●

Андреев Владимир Иванович,
директор НОУ СОШ «Обучение в диалоге»,
Санкт-Петербург